

Глава 15

Мастер У, выполнив поручение, спустился вниз и, едва увидев господина Гао, как тот в ярости набросился на него, пытаясь вытолкать вон.

— Господин Гао, не надо, я же помочь пришёл! — мастер У не мог вырваться и бросил умоляющий взгляд на другого человека в комнате.

Чэнь Лин остановил господина Гао.

Тот тут же начал жаловаться:

— Господин Чэнь, вы не знаете, он вчера чуть меня не погубил! От него будут одни неприятности.

— Не стоит так говорить. Если бы вы сами не сомневались в господине Чэне, разве вы бы поддались на мои слова и выбросили талисман?

Мастер У парировал и, повернувшись к Чэнь Лину, искренне покаялся:

— Господин Чэнь, я вчера был слеп, не разглядел в вас истинного мастера. Приношу свои глубочайшие извинения. И будьте уверены, хоть я и не силён в магии, но за себя постоять и вовремя сбежать смогу, мешать вам точно не буду.

Господин Гао мысленно выругал себя за неосторожность. Этот недоучка не только выболтал, что он выбросил талисман, но и воспользовался ситуацией, чтобы выслужиться перед Чэнь Лином.

Он с тревогой взглянул на Чэнь Лина, боясь, что мастер обидится и уйдёт.

Чэнь Лин понимал, что не похож на профессионала, и не собирался обращать на это внимание.

Он с невозмутимым видом, словно ничего не слышал, поднял голову и уставился на потолок гостиной.

Этот участок соответствовал полу детской комнаты.

Брови Чэнь Лина дёрнулись.

— Движение.

Двое других тут же затаили дыхание и проследили за его взглядом.

Шуршащий звук быстро переместился из одного конца комнаты в другой, словно разъярённый зверь, мечущийся по своей клетке.

Чэнь Лин, миновав Гао Цин, поднялся на второй этаж. Коридор, продуваемый горячим воздухом с улицы, уже не казался таким холодным.

Он неторопливо подошёл к двери детской, пальцами оттянул плотницкий шнур, просунул голову и, повернув ручку, толкнул дверь.

Чёрная нить загораживала обзор, но сквозь щели было видно, что детская кроватка пуста.

Скрежет прекратился, как только кто-то поднялся наверх. Чэнь Лин постоял у двери, и, видя, что тварь не собирается выходить, предложил:

— Если сейчас сдашься, я сохраню тебе жизнь.

Скрип, скрип, скрип.

Пронзительный скрежет донёсся из дальнего конца комнаты. Хихиканье, возникнув из ниоткуда, переросло из одиночного в многоголосое, полное злобы.

Чэнь Лин почувствовал, как его терпение лопается. Он закрыл глаза, чтобы успокоиться, и сказал:

— В Праздник холодной одежды врата подземного мира открылись, позволив вам явиться в мир живых за подношениями от родных. Но ты позарился на мёртвый плод в утробе Гао Цин, пропитанный янской ци, и решил с его помощью переродиться.

Скрежет внезапно ускорился, перемещаясь с пола на потолок, а затем с потолка стремительно понёсся к нему.

Чэнь Лин почувствовал зловещий холод. Он поднял голову и увидел над собой пару абсолютно чёрных глаз без белков.

Младенец с синюшной кожей и большими пятнами по всему телу висел вниз головой на внутренней стороне дверного косяка. Его рот был закрыт, но хихиканье не прекращалось.

Чэнь Лин смотрел на него, как на кусок заплесневелого вяленого мяса, без малейшего удивления в глазах.

— Ты заставил её искать для тебя еду, и Сяо Бао стал одной из твоих жертв. Духи недавно умерших младенцев, полные обиды, — лучшая пища для восполнения твоей иньской ци и поддержания гниющего тела.

Глаза твари налились кровью, и чёрная, зловонная жидкость начала капать на пол.

Чэнь Лин брезгливо взглянул на лужицу и отступил на шаг.

— Вчера это ты заставил Гао Цин заманить меня сюда. Что, так оголодал? Или обычные духи младенцев уже не утоляют твой голод?

— Братик, я так голоден, ты принёс мне поесть?.. — перевёрнутый младенец открыл рот, обнажая тёмную глотку. Его язык был ярко-красным, словно кровоточащим.

— Но ты такой уродливый, — безэмоционально ответил Чэнь Лин.

— ... — младенец взревел от ярости. — Заткнись!

— И от тебя несёт трупным смрадом, просто тошнит.

— Я сказал, заткнись! — взвизгнул младенец и, обезумев, бросился на Чэнь Лина, но был отброшен назад плотницким шнуром.

Маленькое тельце с глухим стуком ударилось о пол.

Он поднялся, его чёрные глаза впились в юношу. Губы искривились, и раздался пронзительный плач.

Плач пронёсся по коридору и долетел до первого этажа.

Лицо Гао Цин исказилось от безумия. Она закричала, широко раскрыв рот:

— Мой ребёнок, мой ребёнок зовёт меня, он кричит «мама»! Отпустите меня, отпустите!

Она обрела невероятную силу, и верёвки, которыми она была связана, начали ослабевать. Господин Гао в ужасе бросился к ней, чтобы затянуть их потуже. Едва он приблизился, как обезумевшая жена вдруг стала ласковой. Она тихо прошептала его имя, её глаза наполнились нежностью и любовью.

Господин Гао едва не прослезился. Потеряв бдительность, он наклонился, подставив шею, и просунул руки за её спину, чтобы перевязать верёвку.

— Осторожно! — крикнул мастер У, видя это, и бросился, чтобы оттащить господина Гао.

Но было уже поздно.

Господин Гао побледнел и сдавленно вскрикнул. На его шее сомкнулись челюсти.

Мастер У не ожидал, что за то короткое время, пока он отвернулся, чтобы сделать глоток воды, произойдёт такая трагедия. Глядя на кровь, сочившуюся из шеи господина Гао, он замер в нерешительности.

Если он отпустит, Гао Цин наверняка вырвет кусок плоти. Если нет — ещё хуже. Укус пришёлся на сонную артерию, рана становилась всё глубже, кровь текла всё сильнее. В конце концов господин Гао умрёт от кровопотери.

После нескольких секунд колебаний мастер У принял решение. Он ухватил господина Гао за плечи и с силой потянул назад.

Господин Гао почувствовал, как онемела половина его тела. Он понимал, что его спасают, но не мог пошевелиться, обессиленно ожидая своей участи.

Сила сжатия челюстей Гао Цин была поразительной. Чем больше крови попадало ей в рот, тем более возбуждённым становился её взгляд.

Сладковатая кровь смешивалась со слюной и проглатывалась. Это было восхитительно.

Голос в голове шептал ей: «Укуси сильнее, ещё сильнее! Высоси всю его кровь, он заслужил это, он всё время хотел причинить мне боль».

Гао Цин глубоко вздохнула, её руки уже почти высвободились из верёвок.

В тот момент, когда она уже готова была обрести свободу, чьи-то руки сзади схватили её за щёки и, сжав голову, с силой разжали челюсти, освобождая кусок плоти из её рта.

Чэнь Лин быстро развязал узел на верёвке, туго затянул концы и, протащив её к римской колонне в гостиной, привязал к ней.

Гао Цин тяжело дышала, её губы были в крови. Она высунула язык и облизала их.

— Вы все умрёте страшной смертью, страшной смертью... — её злобные проклятия сменились нежным шёпотом. — Он любит играть по ночам в вилле, ищет, чем бы поживиться. Никто из вас не уйдёт.

— Заткните ей рот, — приказал Чэнь Лин мастеру У.

— Без проблем.

Господин Гао, зажимая рану на шее, с трудом сдерживал боль. Кровь не останавливалась, нужно было срочно в больницу.

Глядя на растущую лужу крови на полу, Чэнь Лин вздохнул и, достав из рюкзака коробочку с кинovarью, обмакнул в неё палец. Он поднёс его к ране и, беззвучно шепча заклинание, начал рисовать талисман.

Мастер У застыл в изумлении. Он во все уши слушал и во все глаза смотрел на губы Чэнь Лина. Его мозг лихорадочно работал, и вскоре он понял: это метод остановки крови из «Книги Лубаня»!

«Книга Лубаня» считалась трактатом по строительству, но на самом деле содержала в себе даосские практики, противоядия и медицинские знания.

Чтобы изучить её, нужно было соответствовать одному из «пяти недостатков»: быть вдовцом, вдовой, сиротой, бездетным или калекой. Те, кто не подходил под эти критерии, не могли овладеть её искусством. Это знание было доступно лишь немногим.

«Вдовец» и «вдова» для двадцатилетнего юноши были слишком далёкими понятиями.

«Калека» — тем более, ведь он был цел и невредим, мог говорить и двигаться.

Оставались «сирота» и «бездетный».

Мастер У считал, что неплохо разбирается в физиогномике. Но, глядя на утончённое, изящное и полное жизни лицо юноши, он никак не мог связать его с понятием «обделённый родственной любовью».

Внешность Чэнь Лина говорила о глубокой удаче, долголетию родителей и благополучии в браке.

Странно. Неужели небеса сделали для него исключение и позволили нарушить правила предков?

Когда Чэнь Лин закончил рисовать талисман, кровотечение из шеи господина Гао мгновенно прекратилось.

Господин Гао, поражённый, провёл пальцами по ране и недоверчиво прошептал:

— Остановилась, кровь остановилась!

Мастер У, очнувшись от своих мыслей, перевёл взгляд с шеи господина Гао на Чэнь Лина. Его сердце наполнилось благоговением. Что бы ни случилось, он должен держаться за этого мастера!

Было только шесть часов вечера, до рассвета ещё далеко.

Господин Гао распорядился, чтобы привезли чистую одежду и ужин, и радушно пригласил Чэнь Лина к столу.

— Господин Чэнь, вы сегодня так устали, пожалуйста, ешьте побольше. Нам предстоит тяжёлая битва этой ночью!

Чэнь Лин действительно был измотан. Сначала он занимался надгробием, потом потратил силы на исцеляющий талисман. Его желудок урчал уже полчаса.

Он не стал церемониться и съел четыре миски риса, чем немало удивил мастера У.

— Господин Чэнь, у вас отменный аппетит, — заметил тот.

— Сегодня я и вправду голоден, — ответил Чэнь Лин, вытирая губы.

«Да уж, не просто голоден, — подумал мастер У. — Даже я, будучи очень голодным, не смог бы съесть четыре миски, не считая всего остального».

Покончив с размышлениями, мастер У тоже отложил палочки.

Он торжественно положил руки на колени и спросил:

— Скажите, господин Чэнь, к какой школе вы принадлежите?

— К школе оптимистов, — ответил Чэнь Лин.

Мастер У замер.

Его губы дёрнулись. Явно шутит, не хочет отвечать!

<http://bllate.org/book/13702/1583571>